

УДК 325.3

DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/17-28

Глебов С.В.
Glebov S.V.**Вызовы империи: первые десятилетия колонизации
на Дальнем Востоке России (дискуссионные заметки)****Challenges of Empire: First Decades of Colonization
in the Russian Far East (notes for discussion)**

В статье рассматриваются первые десятилетия присутствия Российской империи на Дальнем Востоке. Присоединение Амурского и Уссурийского краёв произошло накануне Великих реформ, что стимулировало возникновение особого социально-политического воображения среди администраторов края, которые пытались превратить его в поле современного эксперимента по созданию российской поселенческой колонии в стиле Америки или Австралии. Однако демографические и экономические трудности помешали этому эксперименту, а несколько эпизодов насилия, в частности, так называемая Манзовская война, поставили в центр внимания проблемы суверенитета и безопасности.

Ключевые слова: *империя, колонизация, переселенческий колониализм, имперское управление*

The article briefly explores the first decades of Russian presence in the Far East. The incorporation of the Amur and Ussuri regions occurred on the eve of the Great Reforms, which facilitated the emergence of a particular socio-political imagination among the administrators of the region, who tried to turn it into a field of modern experimentation to create a settler colony along the lines of US or Australia. However, economic and demographic difficulties prevented the experiment, and episodes of violence, such as the so called Manza War, put issues of sovereignty and security in the center.

Key words: *empire, colonization, settler colonialism, imperial governance*

В последнее десятилетие исторические исследования Российской империи пополнились новыми проектами. В частности, серия «Окраины Российской империи», выпущенная издательством НЛЮ в Москве, во многом помогла синтезировать множество новых подходов, особенно в западной историографии, появившихся в 1990-е гг. В серию вошли исследования Средней Азии и Сибири, Кавказа и Западных окраин. Но в серии отсутствовал один важный регион Российской империи – Дальний Восток [1; 4; 10; 11]. И хотя историки как в России, так и за рубежом, обращались к имперскому опыту в дальневосточном регионе, мне представляется, что у нас до сих пор нет «новой имперской истории Дальнего Востока», хотя именно этот регион должен был быть особенно интересен для историков. Вряд ли мы найдём в истории России регион, прошлое которого было бы настолько сопоставимо с историей поселенческих ко-

лоний западных стран. Кроме того, Российский Дальний Восток, в особенности территории современного Хабаровского и Приморского краёв, особенно любопытен в силу того, что был среди самых последних территориальных приобретений Российской империи (включён в состав империи практически одновременно со среднеазиатским регионом, в 1850–1860-е гг.), но, в отличие от гораздо более «старых» регионов империи, Дальний Восток стал частью независимой России после распада СССР [42]. К сравнению, независимыми стали балтийские государства (включены в состав империи в начале XVIII в., за исключением Литвы), Украина и Беларусь (вошедшие в состав Московского царства и Российской империи в XVII–XVIII вв.), Кавказ и Средняя Азия (инкорпорированные к концу 60-х гг. XIX в.) [38].

Этот парадокс (столь позднее вхождение в состав империи, и при этом успешная интеграция в национальную политику и воображение) ставит перед историками несколько важных вопросов. Каким образом произошла инкорпорация региона в состав империи? На какие вызовы вынуждены были отвечать военные, бюрократы, администраторы дальней имперской окраины? Какие основные принципы определяли историческое развитие дальневосточного рагиона Российской империи? В чем состояла специфика именно этого региона Российской империи¹?

Чтобы начать отвечать на эти вопросы, я предлагаю взглянуть на первые годы присутствия Российской империи в крае. В истории российского Дальнего Востока этого периода, на мой взгляд, важную роль играли два определяющих факта. Один – это стремление превратить дальневосточный регион (с 1884 г. – Приамурский край) в поле социального эксперимента, где реализовывались бы пореформенные идеалы более современного общества. Второй факт состоял в том, что у Российской империи не было экономических, военных, и демографических сил для реализации того сценария, что я описал выше.

Инкорпорация Амура в состав империи открыла возможности нового социально-политического воображения региональной политики. Этому способствовал тот факт, что Амурские земли вошли в состав империи в критический период её истории. В России начиналась подготовка к Великим реформам, по сути, грандиозному эксперименту по социальной инженерии [31]. Старый режим с его сословными перегородками, крепостничеством, отсутствием какого-либо самоуправления, рекрутской армией и судебной волокитой должен был уступить место новому обществу. В этом новом обществе сословный партикуляризм должен был постепенно заменяться универсальным гражданством, рекрутский набор – всеобщей воинской повинностью, старый бюрократический суд – новым, соревновательным судом. Как отмечал ещё А.В. Ремнев, «эра Муравьёва» в Восточной Сибири привлекла туда множество молодых, прогрессивных бюрократов и военных, полностью разделявших идею модернизации страны через реформы [3, с. 170; 23, с. 132–134]. Сам генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьёв был представителем этого поколения, по выражению Брюса Линкольна, «либеральных бюрократов», стремившихся проводить необходимые изменения под патронажем самодержавной власти (или под патронажем всевластного генерал-губернатора) [39]. Аура прогресса, либерализма и службы империи привлекала в эту среду самых разных людей. Будущий основатель анархизма, князь П.А. Кропоткин, попросился на службу к Н.Н. Муравьёву в Восточную Сибирь по окончании Пажеского корпуса в 1862 г., привлечённый именно этой аурой либеральной деятельности. Архиепископ Камчатский Иннокентий (Вениаминов) был близок с Муравьёвым и даже рекомендовал

¹ Об особенностях региональной политики и истории см. [22]; до сих пор самым современным исследованием истории управления Дальнего Востока России остается [23].

ему офицеров для назначения на должности губернаторов [27, с. 63–64]. Для Муравьева и его соратников присоединённые в конце 1850-х гг. земли стали своеобразным полигоном, на котором испытывались бы новые формы социальной организации, управления, колонизации, градостроительства и так далее. Дальний Восток для них был своего рода русской Америкой, где не действовали бы старые ограничения дореформенной России. На этой территории не было укоренившегося дворянства и его землевладения, крестьянских общин с их запутанными отношениями с землевладельцами. И хотя на территории края, безусловно, уже было какое-то население, многие российские путешественники, бюрократы и военные использовали троп «пустоты» для описания этих земель¹. Именно здесь, на берегах Амура и Уссури, можно было начать конструировать общество «с чистого листа», не заботясь о глубоко укоренённых интересах разных групп населения.

Немаловажную роль в этом новом социальном воображении сыграл тот факт, что на новых землях, а в особенности в Приморской области, морские офицеры, многие из которых были выходцами из Остзейского края или Финляндии, были зачастую главными управленцами. Известно, что под руководством Великого князя Константина Николаевича, воспитанника адмирала Ф.П. Литке, морское ведомство было одним из бастионов административного либерализма. Сам Великий князь сыграл важную роль в политической поддержке Великих реформ. Сначала строительство Николаевска-на-Амуре, а затем и включение Уссурийского края в состав империи в 1860 г. создали предпосылки для возникновения своего рода флотской колонии, где Сибирская флотилия играла роль не просто транспортную или военную, но и привлекала в край морских офицеров, носителей нового этоса службы империи через исследования и путешествия [40; 44]. Для этих офицеров социальный прогресс и имперская экспансия были неразделимы, поскольку эта экспансия и создавала условия для социального эксперимента путём распространения прогресса. Личные карьеры и слава оказывались переплетены с делом имперского строительства и территориального расширения. Космополитичные флотские офицеры приносили с собой знания о поселенческих колониях других стран, технические знания и уровень культуры не сопоставимый с пехотными офицерами [43]. Все это способствовало созданию образа Амурского края как «новой Миссисипи», русской Австралии или Канады [32, с. 142–173]. Слухи о прогрессивности Муравьева достигли такого масштаба, что в Петербурге серьёзно поговаривали о намерении генерал-губернатора отделить Восточную Сибирь и присоединиться к Соединённым Штатам Америки [23, с. 132–134]!

Это новое социальное воображение было особенно заметно в первых проектах муравьевской администрации. Так, проект правил переселения в Амурскую и Приморскую области, направленный Муравьевым Великому князю Константину Николаевичу 20 сентября 1858 г., был довольно радикальным. В этом проекте, составленном за три года до официального освобождения крестьян, Муравьев предлагал разрешить переселение на Амур «всем лицам свободного состояния, а также крепостным крестьянам». В проекте предполагалось, что прибывавшие на Амур крепостные будут немедленно освобождаться. В соответствии с предписаниями современной науки о колонизации, Муравьев предлагал, чтобы переселенцы сами оплачивали расходы на дорогу и обустройство. В то же время, Муравьев считал необходимым выдавать переселенцам государственные займы, а также продавать им землю в частную собственность (что было чрезвычайно радикальным предложением в 1858 г. – как известно, частная собственность на землю для крестьян появляется в России в зна-

¹ См., например: [30, с. 179–205].

чительных масштабах только в результате столыпинских реформ). Муравьев, служивший в Польше и на Кавказе, считал переселение одним из способов «обрусения» края и подчёркивал необходимость усиления «русского элемента» на Дальнем Востоке (РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 116. Л. 1–3.).

22 ноября 1858 г. Сибирский комитет рассмотрел предложения генерал-губернатора. Комитет исключил из текста проекта правил переселения любые упоминания освобождения крестьян как «несовместимые» с имеющимся законодательством. Опасаясь влияния новых правил на социальную стабильность накануне реформы по освобождению крестьян, министры рекомендовали, чтобы переселение в край совершалось на принципах, уже испробованных в других частях империи. Они особенно возражали против опубликования «условий переселения в России, особенно имея ввиду продолжающуюся реформу крестьянских дел» (РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 116. Л. 5 об.). И хотя комитет и согласился с Муравьевым в отношении необходимости усиления «русского элемента» на окраине, министры выступили неожиданными противниками русификации, заявляя, что «может оказаться полезным для амурского края разрешить переселение некоторых иностранных колонистов, в особенности немцев, которые известны своим трудолюбием и с помощью которых частично были заселены наши огромные степи Новой России» (РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 116. Л. 5–5 об.). По сути, отменяя предложения Муравьева, комитет разрешил переселение на основе новых правил «только лицам свободного состояния, проживающим в Восточной Сибири». Тем не менее, новые правила, дававшие землю в частную собственность независимым переселенцам и в пользование тем, кто прибывал с помощью правительства, были введены в действие, когда император одобрил их 8 декабря 1858 г. Правила было разрешено опубликовать только в пределах восточно-сибирского генерал-губернаторства (РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 116. Л. 8). Сибирский комитет также ассигновал 100 тысяч рублей в год на переселение 500 семей в Амурский край (РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 116. Л. 7.). Принципы правил переселения были сохранены и после внесения изменений, последовавших за освобождением крестьян.

Новые правила переселения установили весьма щедрые привилегии для колонистов на новых землях. У переселенцев появилась беспрецедентная возможность получить 100 десятин земли на домохозяйство, тогда как регулярная норма в Сибири составляла 15 десятин. Частная собственность стала легальной возможностью для переселенцев, они были также освобождены от подушных налогов (что, по сути, выводило их из податных сословий и превращало в особое имперское сословие привилегированных колонистов), воинской обязанности на 10 призывов и от всех остальных налогов и тягот на 20 лет [13, с. 287]. Взятая в пользование земля могла быть приобретена в собственность в течение 20 лет по цене в 3 рубля за десятину [29, с. 69]. И хотя новые правила долго не публиковались в европейской России, слухи о привилегиях для переселенцев распространялись быстро, и только в 1861 г. Министерство Государственных Имуществ получило прошений о переселении от 3140 лиц. За три года, с 1861 по 1864 г., губернатор Амурской области получил такие прошения от семи с лишним тысяч человек [13, с. 288].

В соответствии с новыми идеями о пореформенном, универсалистском порядке, новые правила предполагали и ослабление традиционного сословного и конфессионального уклада. В июле 1860 г. председатель Сибирского комитета докладывал министру юстиции, что император, в результате предложений Муравьева, «разрешил представителям всех сект староверов (за исключением скопцов) приписываться к городским и сельским обществам вновь основанных городов Амурской области под надзором местных губернаторов» (РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 534.

Л. 8). Правила переселения интерпретировались весьма либерально, и поселенцам разрешали приписываться к крестьянским, купеческим и мещанским обществам без необходимости получать разрешения от обществ, из которых переселенцы выписывались [29, с. 69]. В некоторых случаях, казацкие станицы принимали новоприбывших и даже иностранных подданных (в частности, подданных Цинской империи). Практика Муравьёва по переводу людей из одного сословия в другое (например, через создание Забайкальского казачьего войска в основном из горнозаводских крестьян Нерчинского округа или разрешения ссыльным становиться крестьянами) также имела эффект релятивизации границ сословий в регионе, где и так не было дворянства и где сословные границы значили гораздо меньше, чем в европейской России¹. Эти исследования в основном касаются сословий в Европейской России. История Дальнего Востока впоследствии подтверждает, что сословные различия имели меньшее значения в регионе, особенно в связи с возникновением группы крестьян-рантье².

Характерен для этого раннего периода либеральной империи обмен по поводу найма китайских рабочих, произошедший между исполняющим должность генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсаковым, и губернатором Приморской области контр-адмиралом П.В. Казакевичем. 22 августа 1861 г. Корсаков обратился к Казакевичу с просьбой «сообразить с местными условиями о возможности найма в Николаевский и южные наши порты для инженерных и других работ китайцев подобно тому как делается найм для работ в Калифорнию» (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 656. Л. 1.). В ответе от 30 сентября 1861 г. Казакевич объявил, что по собранным им сведениям он «от лица бывших в Китае я считаю невозможным наём китайцев для работ в наших владениях». Казакевич сообщал, что китайцев заманивают на корабли в портах Китая обманом, они зачастую бунтуют на судах, что «по приходу в Гавану хозяин судна отдавал уцелевших китайцев плантаторам под видом найма за такую сумму, которую невозможно было китайцу отработать за всю свою жизнь.» Казакевич категорически отрицал, что такой вывоз практиковался в Калифорнии, где, по его словам, «в Калифорнию подобного вывоза китайцев не делают, а была эмиграция совершенно свободная, китайцы преимущественно стремились на золотые прииски и работали собственно для себя. Так было и в Австралии...». По мнению Казакевича, «трудно предположить, чтобы возможно было приобрести китайских работников в тех правильных формах, как обыкновенно совершается найм людей свободных». Сравнивая вывоз китайских рабочих с торговлей чёрными невольниками, Казакевич утверждал, что «несравненно выгоднее нанимать людей в России на таких же условиях, как делает это (Российско-)американская компания и доставлять их вокруг света на казённых пароходах которые предполагается отправлять ежегодно из Кронштадта... Кроме выгоды иметь работников по выбору и совершенно свободных, можно надеяться что многие из них, найдя те удобства и преимущества, которые, привлекают многих в наши новые владения, могут остаться здесь навсегда по окончании срока найма» (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 656. Л. 2–5.). В духе пореформенного периода Казакевич недвусмысленно высказывался в поддержку свободного труда, приобретённого на рынке, под защитой закона.

Тем не менее, модернизирующий запал реформаторов-муравьевцев ограничивался как петербургской бюрократией, так и отсутствием демографического потенциала колонизации. Даже те переселенцы, которые решились на длительный переезд в 1860-е гг., зачастую селились по до-

¹ См. обсуждение проблемы сословия в Российской империи в [33; 36; 41].

² См. [15, с. 24–27].

роге, на землях западной и южной Сибири, или отправлялись в Среднюю Азию [13; 29]. У Муравьёва и его преемника, М.С. Корсакова, оставалось мало возможностей для успешной реализации амбициозных планов по превращению Амурского края в новую Калифорнию. В течение первых двух десятилетий, Амурский и Уссурийский края в основном заселялись посредством создания казачьих станиц вдоль двух рек. Забайкальское казачье войско была создано в 1851 г. путём превращения в казаков забайкальских крестьян, отставных солдат, бурят, эвенков и рабочих с нерчинской каторги, которые и стали источником населения для амурских и уссурийских станиц. Уже в 1858 г. часть этих новых казаков отселили административно на Амур, где им впоследствии выделили 50-ти вёрстную полосу вдоль Амура до его слияния с Уссурью. Уссурийский пеший казачий полубатальон Амурского казачьего войска был выделен в самостоятельное Уссурийское войско в 1889 г. [12; 24]. Места для казачьих станиц выбирались по принципу административного удобства и логистики перевозок по рекам, безо всякого внимания к сельскохозяйственным нуждам поселенцев-казаков. В результате, казачьи станицы отличались бедностью и апатией и многие казаки мечтали о возвращении в Забайкалье. Как утверждал Пржевальский, «многие относились к новому краю с враждебностью и видели себя ссыльными» [21, с. 28]. М.И. Венюков иронично описывал этих «пасынков Марса», никогда не видевших прежде военной формы и оружия. По его словам, пеший забайкальский казак оставался крестьянином [7, с. 81–112].

К 1862 г. около 14000 мужчин и женщин казачьего сословия были поселены по Амуру и Уссурью, в большинстве своём в станицах по Амуру [13, с. 287; 21, с. 10]. В 1868 г. Пржевальский насчитывал 28 станиц вдоль правого берега Уссурью, с общим населением в 5258 человек [21, с. 30]. Казачье население по Уссурью оставалось в пределах 6000 человек в течение 1860-х гг. и страдало от бедности и неурожаев, так что некоторых пришлось переселять на приханкайскую степь. Тяжёлые условия их быта описывал тот же Пржевальский, который утверждал, что казакам приходится продавать жён и дочерей или практиковать полиандрию с китайцами [21, с. 30]. Венюков жаловался, что на Амуре и Уссурью «мы слепо следовали той традиции, согласно которой наши границы должны быть заселены цепью казачьих поселений» [7]. По мнению Венюкова, дезорганизация и отсутствие разумного планирования привели к тому, что колонизация не дала таких успешных результатов, на которые можно было бы рассчитывать из-за природных богатств страны [7]. Не менее проблематичной была и крестьянская колонизация. Крестьяне появились в Уссурийском крае в результате административных решений и часто страдали от тех же проблем, что и казаки. В 1872 г. Олимпиада Васильева, жена врача, служившего в гавани Св. Ольги, описывала три сотни поселённых там крестьян как пьяниц и бездельников, которые считали своё пребывание в крае временным [6, с. 60].

Администраторы, военные и бюрократы все ещё надеялись на успех колонизации региона. Так, в конце 1850-х – начале 1860-х гг. предполагалось даже создать чешское поселение на Амуре, в связи с чем регион посетила делегация американских чехов [32, с. 177–182]. Как сообщал Е.С. Бурачек, чешские депутаты г-да Мрачек и Барто-Летовски, журналисты из США, прибыли во Владивостокский пост 31 июля 1862 г. Они осмотрели побережья Амурского и Уссурийского заливов и совершили поездку в Хабаровку. По утверждению Бурачека, чехи нашли побережье чрезвычайно удобным для сельского хозяйства. Бурачек с надеждой писал, что переселение чехов принесёт неизмеримые блага краю, потому что среди них имелись не только крестьяне, но и мастеровые [5, с. 43]. Чешская колония на Дальнем Востоке, мечта чешских и русских панславистов, так и не реализовалась, в связи с опасениями администра-

ции возникновения политически неблагонадёжного анклава. Ещё более катастрофично закончился известный проект по созданию финляндской колонии на землях Удельного ведомства [2, с. 70–71]. Затея по переселению финляндцев стоила астрономической суммы и не привела к видимым результатам, так что земли Удельного ведомства были выкуплены казной с целью возмещения убытков [8, с. 86].

В результате, усилия по заселению края в течение почти двух десятилетий не привели к значительному приращению населения. Край оставался малонаселённым, зависел от казны и нуждался в военной защите. Стоимость администрирования и защиты новых территорий для правительства империи не поддаётся прямому подсчёту, а край продолжал зависеть от импорта практически по всем товарам. В 1884 г., через четверть века после присоединения края, городской голова Владивостока Маковский жаловался на заседании городской Думы, что, несмотря на прекрасные условия земледелия, даже рожь туда привозят из Европы, пшеничную муку из Америки, а мясо в виде живого скота из Китая. Маковский видел причину бедствия в незаселённости края [9, с. 2].

Разумеется, отсутствие демографических ресурсов было важным фактором в неспособности властей быстро и эффективно заселить новый регион. Не менее важным было и то, что военные и бюрократы были чрезвычайно озабочены проблемой безопасности и отсутствия контроля над населением страны. По сути, при отторжении Амурского и Уссурийского краёв от Цинской империи, российские власти согласились на режим экстерриториальности для китайских подданных. В силу определённой интерпретации Айгуньского и Пекинского трактатов, российские власти считали необходимым высылать совершивших преступления в крае китайцев в Китай для наказания. Надо заметить, что соответствующая статья Уложения о наказаниях, диктовавшая депортацию провинившихся подданных Цинской империи в Китай, была уникальной в российском законодательстве. Именно наличие этой статьи сделало позицию российских властей невозможной [37]. С одной стороны, Петербург ожидал от них «обрусения» края и безопасности, а с другой – требовал безукоснительного исполнения закона, по которому китайских подданных нельзя было судить в России.

Это противоречие особенно ясно проявилось во время так называемой «манзовской войны», когда восстание рабочих на прииске на острове Аскольд переросло практически в китайское восстание против российского присутствия, которое ввергло в состояние паники немногочисленное население региона и особенно его руководство [14; 28]. Манзовская война с особой чёткостью обозначила слабость империи на дальней окраине. Тот факт, что «манзовская война» не получила особенной известности в российской историографии можно объяснить лишь тем, что в это время (1867 г.) в европейской России были озабочены ходом реформ, покушением Каракозова, ростом революционного движения и гораздо более обсуждавшимся присоединением Средней Азии. Тем не менее, именно манзовская война особенно усилила опасения российских властей по поводу намерений Китая, присутствия китайцев на российской территории, и, в конечном итоге, привела к организации в 1884–1886 гг. кампании по паспортизации населения и выяснению подданства китайцев [37].

Сама манзовская война была вызвана двумя причинами. Во-первых, в первую декаду российского присутствия российские и американские купцы попытались потеснить китайских экспортёров морской капусты, что привело к падению цен в Шанхае и обеднению китайских посёлков на побережье Южно-Уссурийского края. С другой стороны, усиление военного контроля над территорией привело к стычкам российских моряков и китайских рабочих, добывавших золото на острове Аскольд. Перестрелка команды лейтенанта Этолина с китайцами на Аскольде, пе-

реправа нескольких сотен вооружённых рабочих на континент и их марш в сторону границы привели в настоящую панику российские власти. Сам Пржевальский вынужден был прервать свои исследования и принять участие в подавлении восстания (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.). При этом, в большинстве случаев, российские власти вынуждены были отправлять пойманных участников восстания в Китай в силу договоров, что глубоко возмущало офицеров. Так, например, команда Этолина с «Алеута» захватила в плен китайского рабочего на острове Аскольд. Во время допроса, проводившегося при помощи переводчика – известного впоследствии купца Якова Семёнова – пленник сообщил, что его зовут Тха и что он прибыл на российское побережье с двумя другими, по имени Чжан и Цао, собирать морскую капусту. Их джонка попала в шторм, и её прибило к Аскольду. Тха был пойман за промывкой золота на Аскольде, но утверждал, что ничем подобным не занимался. После допроса, генерал-губернатор Корсаков вынужден был отправить Тха в Хунчун, «запретив ему пребывание в российских пределах впредь» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 237. Л. 1–5.).

Случай Тха демонстрирует, насколько слаб был реальный административный контроль в Южно-Уссурийском крае в первые десятилетия после его приобретения Россией. По сути, «государство» присутствовало в крае весьма фрагментарно, в пределах сотен метров вокруг нескольких десятков офицеров и бюрократов, и, возможно, в пределах основных гарнизонов и поселений. Мало кто из них знал, сколько людей проживает в глубине края, за пределами этого присутствия, кто эти люди, чем они занимаются. Концептуальное завоевание края при помощи географии, статистики, экономики, этнографии и иных дисциплин не произойдёт почти до конца века, и российские учёные и военные будут давать оценку китайского населения в крае от 5 тысяч (Надаров) до 50 тысяч (Тихменев и Палладий Кафаров) [8, с. 97; 16, с. 3; 18, с. 271; 21; 28]. Даже в 1885 г., когда значительно выросло население края, военный губернатор Владивостока жаловался генерал-губернатору Приамурского края барону А.Н. Корфу на полную невозможность контролировать поток китайцев через границу. Как утверждал губернатор, «за исключением непрерывной военной цепи вдоль всего побережья», у него не было ни малейшей возможности контролировать население, что требовалось для успешной паспортизации иностранных подданных в крае [37, с. 123].

Первые десятилетия российского контроля в Уссурийском крае также зависели от стремительных по историческим меркам изменений в соседней Маньчжурии. Беспрецедентное ослабление Цинской династии в середине XIX в. сделало возможным само расширение Российской империи в регионе. В то же время, маньчжурские императоры к началу XIX в. создали миф о родине предков. Как показал Марк Эллиотт, этот миф поддерживался ежегодным паломничеством императора в Мукден, запретом на ханьскую колонизацию Маньчжурии, и ужесточением знаменитой системы [35]. Запрет на колонизацию в особенности оказал влияние на ситуацию в Уссурийском крае, сдерживая ханьскую миграцию в приграничные районы. Но к концу 1870-х гг. ситуация изменилась. Цинская династия начала определённые реформы, а назначение цзянцзюнем Гирин известного учёного, антиквара и реформатора У Дачена привело к некоторому улучшению цинской администрации и усилению военного потенциала Китая в регионе. Самое главное, в этот период практически снимается запрет на ханьскую миграцию, и на север начинает идти поток рабочих со знаменитых поместий Южной Маньчжурии и шаньдунцев [34]. На пористых границах Российской империи появляется сосед, демографический потенциал которого намного превышает российский. Необходимость строительства инфраструктуры, в особенности военной, на российской территории в условиях жесточайшего дефицита рабочих

рук не могло не привести к тому, что к середине 1880-х гг. поток китайских рабочих в Уссурийский край только усилился¹ [17; 19; 20; 25; 26]. Планировавшаяся русская Калифорния оказалась не утопией русской крестьянской колонизации, а окраинным обществом с чрезвычайно разнообразным населением, пожалуй, уникальным в империи: к 1897 г. Владивосток был единственным городом в империи, где иностранные подданные составляли почти половину населения. Управление разнообразием стало основной задачей имперской администрации, которая уже не стремилась к реализации радикальных проектов по модернизации края, а все больше концентрировалась на усилении внутреннего контроля при помощи военных и полицейских мер. В этих условиях, при повороте политического климата в империи вправо после убийства Александра II, предложенные генерал-губернатором Анучиным в 1882 г. реформы, такие, как введение земства, оказались неуместны и были оставлены до лучших времён. Приамурский край оставался малонаселённым, а политическая власть в крае безраздельно принадлежала военным губернаторам. Мечты Муравьёва о свободной колонизации по американскому примеру остались нереализованными. Тем не менее, в последующие десятилетия Дальний Восток оставался уникальным регионом России, единственным регионом континентальной империи, испытывавшим заморскую колонизацию.

Литература

1. Абашин С.Н. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: НЛО. 2008.
2. Александровская Л.В. Опыт первого морского переселения в Южно-Уссурийский край в 60-х годах XIX века. Владивосток: Издательство ДВГУ, 1990.
3. Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. Материалы для биографии в 2-х томах. Синодальная типография, 1891.
4. Бобровников В.О., Бабич И.Л. Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: НЛО. 2007.
5. Бурачек Е.С. Сообщение из Владивостока // Морской сборник. 1863. № 3.
6. Васильева О. Гавань Св. Ольги // Известия Императорского русского географического общества. Т. VIII. 1872.
7. Венюков М.И. Воспоминания о заселении Амура в 1857-1858 гг. // Русская старина. Т. XXIV. 1879. С. 81–112.
8. Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873.
9. Владивосток, 1884. 11 марта.
10. Дамешек Л.М., Ремнев А.В. Сибирь в составе Российской империи. М.: НЛО. 2007.

---

¹ Соловьев описывал рабочих-китайцев с помощью термина «отходники», имевшем вполне устоявшееся значение в российской литературе о крестьянской экономике. В последние два десятилетия, российские исследователи опубликовали целый ряд работ о китайском присутствии на Дальнем Востоке, все эти работы рассматривают китайцев как «мигрантов», а не как население, статус которого изменился в результате имперской аннексии.

11. Долбилов М.Д., Миллер А.И. Западные окраины Российской империи. М.: НЛЮ, 2006.
12. Иванов Ф. Краткая история Амурского казачьего войска. Благовещенск, 1912.
13. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб.: Комитет Сибирской железной дороги, 1900.
14. Кондратенко Р.В. Манзовская война. Дальний Восток. 1868. СПб., 2004.
15. Крюков Н.А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей // Записки Приамурского Отдела Императорского русского географического общества. Т. II. М., 1896.
16. Надаров И.П. Материалы к изучению Уссурийского края. Доклад в обществе изучения Амурского края. Владивосток, 1886.
17. Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток, 2004.
18. Палладий (Кафаров). Уссурийские маньчзы // Известия Императорского русского географического общества. Т. VII. № 8.
19. Петров А.И. История китайцев в России, 1856–1917 годы. СПб., 2003.
20. Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России: вторая половина XIX – начало XX в. Владивосток, 2004.
21. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869. СПб., 1879.
22. Регион в истории империи: Исторические эссе о Сибири. Ред. С. Глебов. М.: Новое издательство, 2009.
23. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – нач. XX веков. Омск: Издательство Омского университета, 2004.
24. Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII – XIX вв. М.: Наука, 1983.
25. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М., 1989.
26. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края: конец XIX –Ab Imperio начало XX вв. Омск, 1999.
27. Струве Б. Воспоминания о Сибири // Русский Вестник. Май 1888. Т. 196.
28. Тихменев Н.М. Манзовская война. // Военный сборник. 1908. № 3. С. 19–24; № 5. С. 46–47; № 6. С. 54–55.
29. Унтербергер П.Ф. Приморская область. Записки Императорского русского географического общества по отделению статистики. Т. VIII. СПб., 1900.
30. Усольцев А. Заханкайский край // Морской сборник. 1864. Т. LXXII. № 6. С. 179–205.
31. Христофоров И. Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830-е – 1890-е гг.) М.: Открытие, 2011.
32. Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge University Press, 1999.
33. Confino, M. The Soslovie (Estate) Paradigm // Cahiers Du Monde Russe. Vol 49. no. 4 (December 1, 2009): 681–704.
34. Dan Shao ed., Remote Homeland, Contested Borderland: The Qing Empire, Banner People, and Manchuria // Remote Homeland, Recovered Borderland, Manchus, Manchoukuo, and Manchuria, 1907-1985. University of Hawai'i Press, 2011. P. 25–67.
35. Elliott M.C. The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies // The Journal of Asian Studies 59. no. 3 (August 1, 2000): 603–46.
36. Freeze G.L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // The American Historical Review 91. no. 1 (February 1, 1986): 11–36. DOI:10.2307/1867233.

37. Glebov S. Between Foreigners and Subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s–1880s // *Ab Imperio*. 2017. no. 1 (June 2, 2017): 86–130.
38. Kappeler A. *The Russian Empire: A Multiethnic History*. Longman Pub Group, 2001.
39. Lincoln W.B. *In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats; 1812-1861*. Northern Illinois University Press, 1982.
40. O'Grady-Raeder A. The Baltic Connection in Russian America // *Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas* 42. no. 3 (January 1, 1994). Pp. 321–339.
41. Smith A.K. *For the Common Good and Their Own Well-Being: Social Estates in Imperial Russia*. Oxford University Press, 2014.
42. Stephan J.J. *The Russian Far East: A History*. Stanford University Press, 1996.
43. Vinkovetsky I. Circumnavigation, Empire, Modernity, Race: The Impact of Round-The-World Voyages on Russia's Imperial Consciousness // *Ab Imperio*. 2001. no. 1 (October 7, 2015). Pp. 191–210.
44. Wortman R. Russian Noble Officers and the Ethos of Exploration // *Russian History/Histoire russe*. Vol. 35. Nos. 1-2 (Spring – Summer 2008). Pp. 181–197.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Abashin S.N. *TSentral'naya Aziya v sostave Rossijskoj imperii*. M.: NLO. 2008.
2. Aleksandrovskaya L.V. *Opyt pervogo morskogo pereseleniya v YUzhno-Ussurijskij kraj v 60-kh godakh XIX veka*. Vladivostok: Izdatel'stvo DVGU, 1990.
3. Barsukov I. *Graf Nikolaj Nikolaevich Murav'ev-Amurskij po ego pis'mam, ofitsial'nym dokumentam, rasskazam sovremennikov i pechatnym istochnikam. Materialy dlya biografii v 2-kh tomakh*. Sinodal'naya tipografiya, 1891.
4. Bobrovnikov V.O., Babich I.L. *Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii*. M.: NLO. 2007.
5. Burachek E.S. *Soobshhenie iz Vladivostoka* // *Morskoj sbornik*. 1863. № 3.
6. Vasil'eva O. *Gavan' Sv. Ol'gi* // *Izvestiya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva*. T. VIII. 1872.
7. Venyukov M.I. *Vospominaniya o zaselenii Amura v 1857-1858 gg.* // *Russkaya starina*. T. XXIV. 1879. S. 81–112.
8. Venyukov M.I. *Opyt voennogo obozreniya russkikh granits v Azii*. SPb., 1873.
9. Vladivostok, 1884. 11 marta.
10. Dameshek L.M., Remnev A.V. *Sibir' v sostave Rossijskoj imperii*. M.: NLO. 2007.
11. Dolbilov M.D., Miller A.I. *Zapadnye okrainy Rossijskoj imperii*. M.: NLO, 2006.
12. Ivanov F. *Kratkaya istoriya Amurskogo kazach'ego vojska*. Blagoveshensk, 1912.
13. *Kolonizatsiya Sibiri v svyazi s obshhim pereselencheskim voprosom*. SPb.: Komitet Sibirskoj zheleznoj dorogi, 1900.
14. Kondratenko R.V. *Manzovskaya vojna. Dal'nij Vostok*. 1868. SPb., 2004.
15. Kryukov N.A. *Opyt opisaniya zemlepol'zovaniya u krest'yan-pereselentsev Amurskoj i Primorskoj oblastej* // *Zapiski Priamurskogo Otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva*. T. II. M., 1896.
16. Nadarov I.P. *Materialy k izucheniyu Ussurijskogo kraya. Doklad v obshhestve izucheniya Amurskogo kraya*. Vladivostok, 1886.
17. Nesterova E.I. *Russkaya administratsiya i kitajskie migranty na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)*. Vladivostok, 2004.
18. Palladij (Kafarov). *Ussurijskie man'tszy* // *Izvestiya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva*. T. VII. № 8.

19. Petrov A.I. *Istoriya kitajtsev v Rossii, 1856–1917 gody*. SPb., 2003.
20. Poznyak T.Z. *Inostrannye poddannye v gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii: vtoraya polovina XIX – nachalo XX v. Vladivostok*, 2004.
21. Przheval'skij N.M. *Puteshestvie v Ussurijskom krae, 1867–1869*. SPb., 1879.
22. *Region v istorii imperii: Istoricheskie ehse o Sibiri*. Red. S. Glebov. M.: Novoe izdatel'stvo, 2009.
23. Remnev A.V. *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nach. XX vekov*. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo universiteta, 2004.
24. Sergeev O.I. *Kazachestvo na russkom Dal'nem Vostoke v XVII – XIX vv.* M.: Nauka, 1983.
25. Solov'ev F.V. *Kitajskoe otkhodnichestvo na Dal'nem Vostoke Rossii v ehpokhu kapitalizma (1861–1917 gg.)*. M., 1989.
26. Sorokina T.N. *Khozyajstvennaya deyatel'nost' kitajskikh poddannyykh na Dal'nem Vostoke Rossii i politika administratsii Priamurskogo kraja: konets XIX – Ab Imperio nachalo XX vv.* Omsk, 1999. Struve B. *Vospominaniya o Sibiri // Russkij Vestnik*. Maj 1888. T. 196.
27. Tikhmenev N.M. *Manzovskaya vojna. Voennyj sbornik*. 1908. № 3. S. 19–24; № 5. S. 46–47; № 6. S. 54–55.
28. Unterberger P.F. *Primorskaya oblast'. Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva po otdeleniyu statistiki*. T. VIII. SPb., 1900.
29. Usol'tsev A. *Zakhankajskij kraj // Morskoy sbornik*. 1864. T. LXXII. № 6. S. 179–205.
30. KHristoforov I. *Sud'ba reformy: russkoe krest'yanstvo v pravitel'stvennoj politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830-e – 1890-e gg.)* M.: Otkrytie, 2011.
31. Bassin M. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge University Press, 1999.
32. Confino, M. *The Soslovie (Estate) Paradigm // Cahiers Du Monde Russe*. Vol 49. no. 4 (December 1, 2009): 681–704.
33. Dan Shao ed., *Remote Homeland, Contested Borderland: The Qing Empire, Banner People, and Manchuria // Remote Homeland, Recovered Borderland, Manchus, Manchoukuo, and Manchuria, 1907-1985*. University of Hawai'i Press, 2011. P. 25–67.
34. Elliott M.C. *The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies // The Journal of Asian Studies* 59. no. 3 (August 1, 2000): 603–46.
35. Freeze G.L. *The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // The American Historical Review* 91. no. 1 (February 1, 1986): 11–36. DOI:10.2307/1867233.
36. Glebov S. *Between Foreigners and Subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s–1880s // Ab Imperio*. 2017. no. 1 (June 2, 2017): 86–130.
37. Kappeler A. *The Russian Empire: A Multiethnic History*. Longman Pub Group, 2001.
38. Lincoln W.B. *In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats; 1812-1861*. Northern Illinois University Press, 1982.
39. O'Grady-Raeder A. *The Baltic Connection in Russian America // Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas* 42. no. 3 (January 1, 1994). Pp. 321–339.
40. Smith A.K. *For the Common Good and Their Own Well-Being: Social Estates in Imperial Russia*. Oxford University Press, 2014.
41. Stephan J.J. *The Russian Far East: A History*. Stanford University Press, 1996.
42. Vinkovetsky I. *Circumnavigation, Empire, Modernity, Race: The Impact of Round-The-World Voyages on Russia's Imperial Consciousness // Ab Imperio*. 2001. no. 1 (October 7, 2015). Pp. 191–210.
43. Wortman R. *Russian Noble Officers and the Ethos of Exploration // Russian History/Histoire russe*. Vol. 35. Nos. 1-2 (Spring – Summer 2008). Pp. 181–197.